

УДК 323.3:314.7.045

*Пахомов О.С.
Pakhomov O.S.*

Морализация этничности: управление рисками этнической дискриминации корейской диаспоры в Японии

**Moralization ethnicity:
ethnic risk management discrimination Korean Diaspora in Japan**

В статье дана попытка описать процесс формирования этничности как постоянный поиск путей уменьшения риска дискриминации и получения доверия со стороны принимающего общества. Корейская диаспора в Японии даёт пример морализации этничности, когда этнические границы существуют в форме постоянного конфликта по поводу норм и ценностей, производя как положительную моральную реакцию (уважение), так и негативную (осуждение). Важную роль при этом играют протестные движения японских корейцев.

Ключевые слова: *диаспора, этничность, управление рисками, социальная сложность, Корея, Япония*

The paper presents an attempt to describe the process of forming ethnicity as a constant search for ways to reduce the risk discrimination and obtain the confidence of the host society. Korean diaspora in Japan provides an example of moralizing ethnicity when ethnic boundaries exist in the form constant conflict over the norms and values, producing as positive moral reaction (respect) and negative (condemnation). An important role is played by the protest movements Japanese Koreans.

Key words: *diaspora, ethnicity, risk management, social complexity, Korea, Japan*

Целью статьи является исследование некоторых аспектов конструирования этнических границ корейской диаспоры в Японии как процесса управления рисками дискриминации. Объём статьи не позволяет детально рассмотреть многообразие процесса взаимодействия диаспоры и принимающего общества, но даёт возможность выделить важные аспекты этого процесса. В этой связи, основное внимание уделяется процессу воспроизводства этнических различий между диаспорой и всем остальным обществом. Задача заключается не в том, чтобы описать корейскую диаспору как единое целое в её целостности, но в том, чтобы понять, по каким принципам воспроизводятся различия между диаспорой и окружающим миром через самоописания. Как писал английский математик Дж. Спенсер Браун, «мы не можем совершить обозначение, не проводя различения» [24, с. 1].

Предыдущие исследования корейской диаспоры в Японии стараются описать различные интеракционные стратегии социальной интеграции корейцев в принимающее общество. Преимуществом подобного подхода является то, что он показывает, как отдельные индивиды, социальные группы и организации взаимодействуют (интеракции) с обществом, договариваясь (негоциации) о своих идентичностях. Подобная интеракционная парадигма объясняет формирование различных социальных границ в политике, экономике, искусстве или религии принимающего общества или страны выхода. Существует три основных формы интеракционного подхода. Первый – это ассимиляционный подход, который описывает этническую культуру диаспоры с точки зрения схожестей или отличий от принимающего общества [28], страны выхода [5] или же изображает членов диаспоры как людей особой, уникальной культуры [19; 28]. Второй можно назвать функционализмом власти. Он описывает этничность в терминах присутствия или отсутствия доминирования, то есть критики властных отношений, которые в свою очередь становятся источниками идеологического оправдания требованиям экономических или политических компенсаций [23]. Третий – это так называемый инструменталистский подход, который описывает этничность как источник мотивации и организации экономической, политической или религиозной деятельности [7].

Интеракционная парадигма сводит социальную сложность к индивидуальным мотивациям или организациям, а затем выводит из них все разнообразие этнической культуры. Таким образом, можно только описать интересы, ожидания или эмоции отдельных индивидов и коллективов. Такой подход имеет ограниченное применение из-за своей односторонности. С его помощью сложно объяснить динамику формирования этнических границ вне интеракций, то есть как часть большого процесса социальной эволюции [13, с. 405]. В частности, интерактивный подход [1; 2; 4] сталкивается с трудностями, пытаясь объяснить конструирование этничности в форме «переговоров», по той причине, что невозможно узнать мотивацию и ожидания всех членов иммигрантской общности и членов принимающего общества. В этом случае анализ ограничивается узкими группами людей, например, элитами или организациями [4, с. 15, 54].

Было бы более продуктивным подходить к изучению феномена диаспоры как к проблеме социальной сложности. Вместо того чтобы использовать язык, который пытается понять природу этнической аутентичности (идентичности) или критиковать её, можно описать этничность как механизм обработки информации с помощью таких понятий, как сложность и неопределённость (контингенция), система и среда, селекция и риск [13, с. 25]. Тем более что уже есть определённый интерес к теории систем со стороны антропологического сообщества [6], потенциал которой необходимо развивать.

Этничность – это процесс того, как члены диаспоры, с одной стороны, и члены принимающего общества, с другой, воспроизводят этнические границы между ними. В данной статье «диаспора» [3, с. 296] определяет объект исследования и отвечает на вопрос «что?», а «этничность» является формой наблюдения и (само)описания диаспоры, отвечая на вопрос «как?». При этом выбор информации для конструирования этнических границ связан с неопределённостью, а значит с риском. Другими словами, не ясно, какую информацию следует выбрать для описания, а какую игнорировать. Главным критерием выбора информации является понимание принимающего общества («не-корейцы»), в котором необходимо сформировать доверие к присутствию людей другой культуры и расы («корейцам»).

Выбор информации для успешных самоописаний, как правило, происходит по принципу повторного входа [15, с. 33]. Корейские иммигранты использовали уже существующие самоописания принимающего общества и повторно репрезентировали его, но уже как аутентично корейские. Другими словами, выражаясь языком теории социальных систем, они воспроизвели различие между системой (принимающее общество) и средой (окружающий мир) внутри системы (принимающее общество). Выбор информации для конструирования этнических границ по принципу повторного входа позволил корейским иммигрантам интегрироваться в японское общество. В данной статье рассматривается особая роль морали в этом процессе.

Морализация корейской диаспоры в Японии

Для корейской диаспоры в Японии управление рисками дискриминации с помощью моральной коммуникации является доминирующим. При этом морализация этнических границ имеет тесную связь с социальными ожиданиями в японском обществе. Этнические границы корейской диаспоры в Японии – это частный случай морального самоописания японского общества, но репрезентирующий себя как аутентично корейский. Использование моральной коммуникации не означает, что диаспора и принимающее общество живут в гармонии. Мораль существует в форме постоянных конфликтов по поводу норм и ценностей. Это значит, что японские корейцы и японцы часто конфликтуют и воспринимают друг друга с подозрением, основываясь на предположении, что именно другая сторона виновата в нарушении норм морали [14; 17, с. 29].

Традиционно в японском обществе иностранцы и, в частности, Корея и корейцы, ассоциировались с «грязным». Это объясняется особенностями социальной структуры, возникшей в феодальной Японии, которая описывала себя и управлялась в терминах присутствия или отсутствия патологий. Подобный феномен связан с наличием так называемых «грязных сословий» в японском обществе (*burakumin*) [25]. Их функцией было поставлять мотивацию остальным членам общества сохранять «чистоту» и избегать «грязи». Подобную моральную дихотомию японское общество уже во время Империи (1868 – 1945) применяло как к японским корейцам, так и к Корее в целом, тем самым навязывая японскую идентичность всему обществу с требованием придерживаться морали в политике, экономике, образовании и религии. Поэтому корейцев в Японии часто называли «грязные корейцы» [19], а их дискриминацию – необходимым процессом «гармонизации» корейской культуры [18, с. 106].

Протестное движение против японского общества

Протестное движение стало доминирующей формой воспроизводства этнической границы между диаспорой и принимающим обществом. Эволюция корейской диаспоры в Японии в послевоенный период до 2010-х годов показывает, что корейцы не только не собирались отказываться от морализованного образа, но использовали его в своих интересах. Их самописание представляло собой одностороннюю морализацию, которая, с одной стороны, выражалась в сильной критике японского общества, а с другой, в культивации сочувствия и сострадания по отношению к корейским японцам как жертвам дискриминации. Протестное движение больше всего подходило для этой роли, так как протестующие адресуют свои требования к другим, взывают к их чувству ответственности. Они критикуют, не предлагая себя в качестве тех, кто будет выполнять высказанные требования.

Это выражалось, прежде всего, в требованиях денежных компенсаций от японского правительства. Важность этого требования не ограничивалась лишь только экономическим смыслом, но имела сильный политический оттенок. Дело в том, что правительство Японии в послевоенный период с помощью денежных выплат как бы очерчивала контуры будущей японской нации, указывая на то, кто может считаться японцем, а кто нет. Критерием была идея о том, что народ Японии и император — это истинные жертвы японских милитаристов [20, с. 1-14]. Компенсации получили жертвы Хиросимы и Нагасаки, крестьяне, потерявшие землю, переселенцы из Маньчжурии и Кореи, потерявшие собственность. Корейцы в эту категорию не попадали. Их игнорировали, считая наследием японского империализма, которое нужно забыть. Это означало, что корейцы должны были бороться за статус «жертвы», чтобы получить признание японского общества.

Требования компенсаций выражаются в нескольких формах. Каждая из форм так или иначе связана с имперским наследием Японии и аргументируется отсылкой к событиям времён колониального господства над Кореей [10, с. 310]. Самый большой пласт составляют требования выплатить пенсии японским корейцам и их родственникам, которых насильно привезли в Японию во время войны для работы на имперский ВПК. С 1980-х годов, с подъёмом второй волны феминизма в Японии начали появляться требования компенсаций со стороны корейских женщин, которых японские военные принуждали работать в военных борделях, т.н. «станциях комфорта» (кор. *jian-bu*, яп. *ian-fu*) во время второй мировой войны [8].

Другим важным примером использования морали в протестном движении является борьба японских корейцев за право создавать корейские школы. Первые корейские школы (кор. *uri-hakkyo*) были созданы в Японии сразу после окончания войны. К октябрю 1946 года в Японии насчитывалось уже 529 школ, где работало 1 100 преподавателей и училась 41 000 детей. Однако в 1948 году командование союзных оккупационных войск запретило этническое образование на территории Японии. Корейские школы подлежали закрытию. Это вызвало волну протестов по всей стране. Важная символическая роль при этом отводилась детям. Через образ невинного «ребёнка» японские корейцы, с одной стороны, старались подчеркнуть чувство абсолютной чистоты и лояльности к этнической школе, а с другой, участие детей и женщин в демонстрациях, которые, как правило, жестоко разгоняла полиция, изображало японское правительство как абсолютное зло. Результатом борьбы стало компромиссное решение 5 мая 1949 года, по которому корейские школы могли получать лицензию Министерства образования Японии (к 1970-м годам корейские школы по всей Японии получили официальные лицензии), но только как частные школы. Это означало отсутствие налоговых льгот и государственной поддержки. К тому же диплом об окончании корейской школы и сейчас принимается не во всех университетах.

Другим успешным примером протестного движения японских корейцев является поселение Уторо. Это городские трущобы на юге города Киото, образовавшиеся в результате массовой миграции бывших корейских рабочих со всей Японии после окончания Второй Мировой Войны, которые основали здесь своё поселение. На протяжении многих десятилетий после войны обитатели Уторо жили здесь без водопровода и электричества. В результате, поселение стало одним из главных морализированных символов, к которому обращались многие организации для критики японского общества [24, с. 32-33]. Среди них были сами японские корейцы, японские правозащитные организации и южнокорейские СМИ. Уторо окружён огромным количеством плакатов на японском и

корейском языках, говорящих о безнадежном положении жителей и об ответственности японского правительства и общества за имперское прошлое перед корейцами. Наконец, в феврале 2011 года южнокорейское правительство выделило деньги для того, чтобы выкупить Утору у японского правительства и передать его в собственность корейской общины в Японии.

Протестное движение против японских корейцев

Протестное движение против японских корейцев является неотъемлемой частью моральной коммуникации корейской диаспоры в Японии. Его участниками, в основном, являются праворадикальные японские организации, которые хотят дискредитировать требования корейцев в Японии. В отличие от самих японских корейцев, которые сохраняют аполитичные настроения, ограничивая свои требования только вопросами денежных компенсаций, праворадикалы стараются использовать мораль для политизации этнической границы между корейской диаспорой и японским обществом. Для них главным источником национальной солидарности являются культурные различия внутри Японии, где корейцы играют роль внутренних колонизаторов, эксплуатирующих и паразитирующих на простых японцах. Такими организациями являются «Гражданская инициативная группа против привилегий для японских корейцев» и её лидер Сакураи Макото, Национал-Социалистический союз, Партия новой политической модернизации и буддийская религиозная организации Сокка-Гаккай при поддержке парламентской партии Коменто.

Праворадикалы считают, что истинными жертвами являются японцы, а не корейцы. Главным объектом праворадикальных протестов являются требования японских корейцев компенсаций от правительства Японии. А главным аргументом то, что японское правительство никогда не заставляло корейцев работать на ВПК империи или в военных борделях. Корейцы добровольно шли туда и зарабатывали гораздо больше, чем обычные японцы. Кроме этого, под предлогом открытия корейских школ, корейцы не только организуют и поддерживают северокорейскую шпионскую сеть, но и ещё оккупируют японскую землю. И в этом им помогают коррумпированные японские политики, действующие с корейцами заодно. Это приводит их к выводу, что японские корейцы просто паразитируют на японском обществе, так как, по их мнению, многие живут на пособия, а другие получают большие деньги от популярных залов игровых автоматов (пачинко), не платя налогов [26].

Воспитание личностей для протестного движения

Многие японские корейцы говорят, что «мы не рождаемся японскими корейцами, но становимся ими в тяжёлой борьбе против дискриминации в японском обществе, которая длится всю нашу жизнь». Эти слова точно описывают роль этнических школ в морализации корейской диаспоры в Японии. Этнические образовательные учреждения видят своей главной задачей воспитание личности с сильным чувством морального долга, необходимого для активного участия в протестном движении в борьбе за права своей этнической общины. Несмотря на то, что большинство так и не становится активистами и учителя не сильно требуют от них именно такой карьеры, этнические школы японских корейцев учат студентов особому восприятию и описанию культурных различий между японцами и корейцами в японском обществе. Они учат их, что это общество является территорией с повышенным риском агрессии по отноше-

нию к японским корейцам и необходимо следовать изученным моделям поведения и моральной самозащиты.

В разные периоды своей истории школы предлагали разные формы моральной самозащиты. В начале этнические школы традиционно были в прямой оппозиции японскому обществу. Дело в том, что большинство корейских школ были созданы про-северокорейской организацией Чхонрён в 1960-х – 1970-х годах. Анти-японская риторика и репрессии против японских коллаборационистов стали одним из главных элементов национализма в КНДР. Это имело сильное влияние на образовательные учреждения корейцев в Японии. Корейские школы в Японии, воспринимая себя как часть этих репрессий, поставили в основу своего «социалистического образования» воспитание личностей, которые бы, с одной стороны, находились в непримиримой оппозиции по отношению к японскому государству, а, с другой, были полностью лояльны северо-корейскому лидеру [9, с. 160].

На протяжении 1950-х-1960-х годов корейские школы использовали сегрегационную риторику с целью мобилизации соотечественников под политическими лозунгами против этнической дискриминации. В школах создавался «героический» образ корейской диаспоры в Японии, который впоследствии стал центральным в их этнической культуре. Корейцы воспринимали японское общество в этот период на основе повышенной этнической солидарности, для того чтобы дистанцировать себя от нации, которую они видели как источник насилия по отношению к ним. Японские корейцы изображали пространство за школой как линию фронта, где взрослые жертвуют своими жизнями, борясь с японской полицией во время демонстраций для того, чтобы защитить будущее своих детей.

Спустя полвека корейские школы изменили своё отношение к японскому обществу. В 1990-х и 2000-х годах сегрегационные настроения сменились интеграционными по мере того, как третье и четвёртое поколения японских корейцев стали более ассимилированы в японское общество. Сегодня этнические школы продолжают описывать «внешний мир» за пределами кампуса как враждебный. Однако, вместо того, чтобы просто изображать его как территорию борьбы, педагоги учат студентов, как использовать негативный образ японского общества в своих целях, например, для требований компенсаций или просто для того, чтобы вызвать сочувствие японцев по отношению к японским корейцам как к этническому меньшинству [29, с. 12-16, 28].

Японская массовая культура предлагает японскому обществу похожий морализированный образ корейских школ. В фильмах, которые описывают отношения японцев и японских корейцев, они часто описываются в терминах морали. Всё, что находится за пределами корейской школы, это пространство с повышенным риском насилия по отношению к корейским детям. Это необходимо, чтобы вызвать сочувствие у японской аудитории и таким образом снизить риск дискриминации. Следовательно, для японской аудитории предлагается такая форма самоописания, которая оправдывает моральное управление культурными различиями в японском обществе. Например, известный фильм «Паччиги» (2004), который изображает Киото 1960-х годов, начинается со сцены, когда японские корейцы избивают небольшую группу японских студентов за то, что они приставали к корейским школьницам, одетым в традиционное корейское платье чима-чогори.

Вывод

В статье была дана попытка описать этничность как форму управления рисками этнической и расовой дискриминации на примере япон-

ских корейцев. Успешная интеграция корейской диаспоры в японское общество требовала не только понимания ожиданий принимающего общества, но также и использование этих ожиданий для конструирования своих этнических границ. Для японских корейцев именно мораль стала доминирующей формой самоописания. Это значит, что корейская этничность в Японии представляет собой постоянный конфликт по поводу моральных норм. Этнические границы здесь воспроизводятся в форме моральных реакций по отношению к нарушениям норм и ценностей. Другими словами, корейская диаспора может производить как положительную моральную реакцию (уважение), так и негативную (осуждение). При этом на уровне организаций подобная форма самоописания существует в виде протестных движений.

Литература

1. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
2. Barth, F. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Little, Brown, 1969.
3. Basch L., Schiller N.G., Szanton Blanc, C. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. London: Routledge, 1994.
4. Brubaker, R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
5. Yasunori Fukuoka Y., Kim M.S. *Zainichi kankokujin seinen no seikatsu to ishiki [The Lives and Consciousness of Young Japanese Koreans]*. Tokyo: Tōkyō Daigaku Shuppankai, 1997.
6. Gershon I. "Seeing Like a System: Luhmann for Anthropologists." *Anthropological Theory* no.5 (2), 2005, 99-116.
7. Kang S. *Zainichikankokujin to pachinko sangyō. Kan shō ren yonjū nenshi [Японские корейцы и индустрия пачинко. 40 лет корейской деловой ассоциации]*. Tokyo: Zainichi dōhō shōkō kai kaigi, 2002.
8. Kawada F. *Sensō to sei: Kindai kōshō seido ianjo seido womegutte [Война и секс: формирование государственной системы военной проституции]*. Tokyo: Akashi Shoten, 1995.
9. Kim Il-sōng chōchakchib [Полное собрание сочинений Ким Ир Сена], vol. 21. P'yōngyang: Chosōn Nodongdang Ch'ulpansa, 1990.
10. Kim G. D. *Zainichi korian no aidentiti to hōtekichii [Правовой статус и этническая идентичность японских корейцев]*, Tokyo: Akashi Shoten, 2005.
11. Luhmann N. *Trust and Power: Two Works*. Translated by Howard Davis, John Raffan and Kathryn Rooney. Chichester: Wiley, 1979.
12. Luhmann N. *Die Wirtschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Shurkampf, 1988.
13. Luhmann N. *Social Systems*. Translated by John Bednarz Jr. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995.
14. Luhmann N. *The Sociology of the Moral and Ethics // International Sociology* № 11. 1996. p. 27-36.
15. Luhmann N. *Observations on Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1998.
16. Luhmann N. *Die Politik der Gesellschaft*. Frankfurt: Shurkampf, 2000.
17. Luhmann N. *Die Moral der Gesellschaft*. Frankfurt: Shurkampf, 2008.

18. Matsuda T. *Senzen ki no zainichichōsenjin to sanseiken* [Политические права японских корейцев в предвоенный период]. Tokyo: Akashi Shoten, 1995.
19. Moo H.W., Kim K.C. *Adhesive Sociocultural Adaptation of Korean Immigrants in the U.S.: An Alternative Strategy of Minority Adaptation // International Migration Review XVIII, №.2. 1983. p. 188-216.*
20. Mun G.S. *Zainichichōsenjin mondai no kigen* [Об истоках проблемы японских корейцев]. Tokyo: Crane, 2007.
21. Orr J. J. *The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan*. Honolulu. HI: University of Hawaii Press, 2001.
22. Park K. Y. *The Korean American Dream: Immigrants and Small Business in New York City*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997.
23. Ryang S. *North Koreans in Japan: Language, Ideology, and Identity*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1997.
24. Spencer Brown J. *The Laws of Form*. New York: E.P. Dutton, 1979.
25. Utoro okizari nisareta machi [Уторо: брошенный город]. Kyoto: Kamogawa Shuppan, 1997.
26. Wakita H. *Nihon jūyo hisabetsumin no kenkyū* [О проблеме дискриминации Японии в средние века]. Tokyo: Iwanami Shoten, 2002.
27. Yamano S. *Manga kenkanryū* [Антикорейские комиксы]. Tokyo: Shinyūsha, 2005.
28. Yoon I.J. *Korian diasūpora: jaeoe hanin ūi iju, jōgūng, jōngch'esōng* [Корейская диаспора: Миграция, Адаптация, Идентичность корейских эмигрантов]. Sōul: Koryō Daehakgyo Ch'ulpanbu, 2004.
29. Yun K. C. [Zainichi] wo kangaeru [Размышления о японских корейцах]. Tokyo: Heibonsha, 2001.
30. *Zainichi no ima: Kyōto hatsu* [Японские корейцы сегодня: На примере корейской общины в Киото]. Kyoto: Zenchōkyōkyōto, 1994.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Tishkov V.A. *Rekviem po ehtnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoj antropologii*. M.: Nauka, 2003.
2. Barth, F. *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Little, Brown, 1969.
3. Basch L., Schiller N.G., Szanton Blanc, C. *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. London: Routledge, 1994.
4. Brubaker, R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
5. Yasunori Fukuoka Y., Kim M.S. *Zainichi kankokujin seinen no seikatsu to ishiki* [The Lives and Consciousness of Young Japanese Koreans]. Tokyo: Tōkyō Daigaku Shuppankai, 1997.
6. Gershon I. "Seeing Like a System: Luhmann for Anthropologists." *Anthropological Theory* no.5 (2), 2005, 99-116.
7. Kang S. *Zainichikankokujin to pachinko sangyō. Kan shō ren yonjū nenshi* [YАponskie korejtsy i industriya pachinko. 40 let korejskoj delovoj assotsiatsii]. Tokyo: Zainichi dōhō shōkō kai kaigi, 2002.
8. Kawada F. *Sensō to sei: Kindai kōshō seido ianjo seido womegutte* [Vojna i seks: formirovanie gosudarstvennoj sistemy voennoj prostitutsii]. Tokyo: Akashi Shoten, 1995.
9. Kim Il-sōng *chōchakchib* [Polnoe sobranie sochinenij Kim Ir Sena], vol. 21. P'yōngyang: Chosōn Nodongdang Ch'ulpansa, 1990.
10. Kim G. D. *Zainichi korian no aidentiti to hōtekichii* [Pravovoj status i ehtnicheskaya identichnost' yaponskikh korejtsev], Tokyo: Akashi Shoten, 2005.

11. Luhmann N. *Trust and Power: Two Works*. Translated by Howard Davis, John Raffan and Kathryn Rooney. Chichester: Wiley, 1979.
12. Luhmann N. *Die Wirtschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Shurkamp, 1988.
13. Luhmann N. *Social Systems*. Translated by John Bednarz Jr. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995.
14. Luhmann N. *The Sociology of the Moral and Ethics* // *International Sociology* № 11. 1996. p. 27-36.
15. Luhmann N. *Observations on Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1998.
16. Luhmann N. *Die Politik der Gesellschaft*. Frankfurt: Shurkamp, 2000.
17. Luhmann N. *Die Moral der Gesellschaft*. Frankfurt: Shurkamp, 2008.
18. Matsuda T. *Senzen ki no zainichichōsenjin to sanseiken* [Politicheskie prava yaponskikh korejtssev v predvoennyj period]. Tokyo: Akashi Shoten, 1995.
19. Moo H.W., Kim K.C. *Adhesive Sociocultural Adaptation of Korean Immigrants in the U.S.: An Alternative Strategy of Minority Adaptation* // *International Migration Review* XVIII, № .2. 1983. p. 188-216.
20. Mun G.S. *Zainichichōsenjin mondai no kigen* [Ob istokakh problemy yaponskikh korejtssev]. Tokyo: Crane, 2007.
21. Orr J. J. *The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan*. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 2001.
22. Park K. Y. *The Korean American Dream: Immigrants and Small Business in New York City*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1997.
23. Ryang S. *North Koreans in Japan: Language, Ideology, and Identity*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1997.
24. Spencer Brown J. *The Laws of Form*. New York: E.P. Dutton, 1979.
25. Utoro okizari nisareta machi [Utoro: broshennyj gorod]. Kyoto: Kamogawa Shuppan, 1997.
26. Wakita H. *Nihon jūyo hisabetsumin no kenkyū* [O probleme diskriminatsii YAponii v srednie veka]. Tokyo: Iwanami Shoten, 2002.
27. Yamano S. *Manga kenkanryū* [Antikorejskie komiksy]. Tokyo: Shinyūsha, 2005.
28. Yoon I.J. *Korian diasūpora: jaeoe hanin ūi iju, jōgūng, jōngch'esōng* [Korejskaya diaspora: Migratsiya, Adaptatsiya, Identichnost' korejskikh eh migrantov]. Sōul: Koryō Daehakgyo Ch'ulpanbu, 2004.
29. Yun K. C. [Zainichi] wo kangaeru [Razmyshleniya o yaponskikh korejtsakh]. Tokyo: Heibonsha, 2001.
30. *Zainichi no ima: Kyōto hatsu* [YAponskie korejtsy segodnya: Na primere korejskoj obshhiny v Kioto]. Kyoto: Zenchōkyōkyōto, 1994.